

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Проблемы истории крепостного права в России в работах советских «классиков марксизма»	17
Глава 2. М.Н. Покровский: проблема крепостного права и решения крестьянского вопроса в России в дореформенную эпоху	39
Глава 3. Проблема крепостного права в России в трудах Н.А. Рожкова.....	62
Глава 4. Вопросы крепостного права в творчестве Д.И. Иловайского.....	71
Глава 5. История крестьянского вопроса в России в работах представителей «старой школы». А.А. Кизеветтер. М.К. Любавский.....	83
Глава 6. Проблемы истории крестьянского вопроса и крепостного права в творчестве С.Ф. Платонова и А.Е. Преснякова.....	99
Глава 7. Крестьянский вопрос глазами историков «старой школы». М.В. Клочков. Ю.В. Готье. М.М. Богословский. А.А. Корнилов.....	120
Глава 8. А.Н. Шебунин: легитимизм и крестьянский вопрос в дореформенной России.....	137
Глава 9. Н.М. Дружинин и М.В. Нечкина об общественном движении и крестьянском вопросе в России первой половины XIX в.....	151
Глава 10. Крестьянский вопрос в России первой половины XIX в. в работах Е.А. Мороховца и И.И. Игнатович.....	173
Глава 11. Разгром «покровщины»: крестьянский вопрос.....	182
Глава 12. Петровский абсолютизм и крестьянский вопрос в изображении Б.И. Сыромятникова.....	194
Глава 13. Николаевская Россия в ранних работах П.А. Зайончковского (крестьянский вопрос и Кирилло-Мефодиевское общество).....	203
Заключение.....	209
Список имен.....	212

ВВЕДЕНИЕ

«Музыкой имен» называл когда-то русскую историографию начала XX в. выдающийся советский историк П.А. Зайончковский. Мы разделяем эти оценки [1], имея в виду и трудные судьбы ученых-историков, как и вообще гуманитариев, не сумевших вовремя уйти из жизни до событий 1917 г. Значительная их часть покинула страну после Октябрьской революции, другая часть попыталась найти себе место в новой жизни в советское время. Наше исследование, в основном, посвящено тем, кто остался, а из них той части, которая занималась специально проблемами истории крестьянского вопроса и крепостного права в России XVII – первой половины XIX вв. Такое исследование предпринимается впервые в историографии. Его целью является в значительной степени возвращение исторической справедливости в отношении давно ушедших от нас представителей российской советской исторической науки, чей вклад в изучение именно этих страниц прошлого не всегда адекватно подается в новейшей историографии [2].

Развитие советской исторической науки в межвоенный период (и в период Великой Отечественной войны) проходило в довольно сложных условиях. С одной стороны, нанесен был сильнейший удар по старой науке, многие представители которой либо эмигрировали как П.Н. Милуков, Г.В. Вернадский, Е.Ф. Шмурло, либо были высланы из страны как А.А. Кизеветтер. В значительной степени оборвалась целая научная цепь, восходившая к Н.М. Карамзину, С.М. Соловьеву и В.О. Ключевскому. Те же представители старой науки, которые остались по различным соображениям на родине, оказались вынужденными изменять своим убеждениям, выработанным ранее, что у них, в принципе, плохо получалось. При этом в большинстве случаев они либо попадали под молот репрессий, как С.Ф. Платонов, либо просто теряли свои достижения и приоритеты и нисходили до обыкновенных исполнителей воли своих новых хозяев, как М.В. Ключков, так ничего толком и не написавший за все его советские годы [3].

Заметим, с другой стороны, что и плеяда новых марксистских историков, таких как Н.М. Дружинин, М.В. Нечкина, тоже постоянно находилась под прицелом правящей элиты, периодически наставлявших их в нужном направлении, которое к тому же часто менялось. Отметим, что деятели этой группы историков в еще большей степени оказывались под угрозой репрессий, особенно после «разоблачения» идей М.Н. Покровского во второй половине 1930-х гг. [4].

Лишь незначительное число историков, вовремя перестраиваясь и подстраиваясь под определенное направление, диктуемое властями, умудрилось пройти эти годы без серьезных потерь. Между тем, по словам современного историка А.В. Сидорова, «особым вопросом для традиционной историографии в начале 20-х годов явилась проблема взаимоотношений с набирающим силу и влияние марксистским направлением, получившим мощную политическую поддержку». Многим представителям «старой науки» казалось вполне «разумным не замечать это направление в исторической науке, поскольку его серьезная научная критика становилась все менее возможной на страницах периодических изданий». Однако «все же историографическое осмысление марксистского направления отмечалось в исследованиях» того периода.

При этом показательно, что «марксизм не рассматривался чем-то принципиально отличным от экономического материализма». В этом отношении характерным явлением стала известная рецензия Я.Л. Барскова на книгу С.Ф. Платонова «Борис Годунов». Опираясь на ряд положений работы М.Н. Покровского «Экономический материализм», автор рецензии пришел к выводу, что «книга С.Ф. Платонова отвечает требованиям "марксизма" как научного метода». Этот вывод он обосновывал тем, что Платонов указывал на то, что «трагедия» Бориса заключалась не только в личностных взаимоотношениях с элитой, «но и в противоречиях его политики, которые, в свою очередь, были обусловлены противоречиями социально-экономического строя в Московском государстве XVI века». При этом, по словам современного историка, «выделение экономического фактора в качестве основополагающего в историческом развитии представлялось многим немарксистским историкам вполне достаточным, чтобы говорить о марксистском методе, пусть даже и в кавычках» [5].

К тому же чем дальше, тем больше идеологический пресс заставлял их писать не всегда то, что они считали нужным, или не все то, о чем говорили источники, а то, что требовалось властям. При этом, как ни странно, научные достижения предшествовавшего времени, корни старой науки в ту пору все же не удалось выкорчевать сразу и полностью. Ряд представителей «старой гвардии» остались в советской России, у них появились свои ученики (пример: Ю.В. Готье – П.А. Зайончковский). Для того чтобы уничтожить следы прошлого, потребовалась целая полоса борьбы с «безродными космополитами» в первые послевоенные годы, особенно в 1948–1950 гг., в эти поздние «сталинские» годы, хотя наука все же осталась, возрождаясь как феникс. Но этот уже послевоенный период развития отечественной историографии не включается в наше рассмотрение, которое ограничивается периодом 1917–1945 гг. (включая сюда, что вполне логично, и военные годы).

Мы сосредоточимся на историографии внутри Советской России/СССР, особенно упирая на интересующие нас проблемы истории крестьянского вопроса и крепостного права в России в XVII – первой половины XIX в., а именно в этих сферах советская историография добилась, тем не менее, многого, так как акценты в исторических исследованиях в межвоенные годы значительно сменились: в дореволюционную эпоху они касались преимущественно властных структур, политической истории, правящих лиц, характеристики монархов и лишь в незначительной степени (пример – В.И. Семевский) народа. Приведем здесь и достаточно спорное высказывание авторов известного пособия для студентов-заочников по историографии истории СССР 1982 г. изд. По мнению его авторов – Г.Д. Алексеевой и А.В. Манькина, «хотя случаи окончательного разрыва историков с буржуазной теорией были еще весьма редки, тем не менее появление подобных фактов стало показателем кризиса буржуазной исторической науки в России» [6].

Теперь же исследователи как раз обращали преимущественное внимание на бытие этого самого народа, для изучаемой эпохи в особенности крестьянства (в относительно меньшей степени – рабочего класса) и его различных категорий, а также на освободительное движение в дореволюционной России. Интересно в этой связи посмотреть, как зарождалось это направление в марксистской исторической науке (получившее большое развитие позднее в 1950–1980-е гг., а сегодня находящееся, с нашей точки зрения, в упадке, исключая, может быть, подобные сюжеты для собственно советского периода, отражая в определенной степени и общий кризис современной исторической науки, о чем мы неоднократно писали) [7].

Оригинальность идей мыслителей изучаемого нами довоенного (и военного) периода развития советской исторической науки и их достижения, несмотря на атмосферу «цитатничества» и строгое следование, как тогда говорили, «партии», тем не менее, очевидна [8]. Заметим, кстати, что смены ориентиров историков в 1920–1930-х гг. под влиянием политических изменений в стране и ее идеологии: первая происходила на рубеже 1910–1920-х гг., затем можно выделить рубеж 1920-х – 1930-х с его «академическим делом», далее – предвоенные годы (с одной стороны, развитие патриотизма, в особенности «советского патриотизма» наряду с развязыванием большого террора применительно к исторической науке, связанного с осуждением «покровщины», приводившие к некоторой корректировке и тем исследований, и методов их решения). Здесь, очевидно, сменялись волны историографии, что периодически в ней происходит. В этой связи стоит отметить появление сегодня специальных работ, которые, в основном, посвящены применительно к той эпохе «убитой душе науки» [9].

Отметим и иную точку зрения – точку зрения новейшего учебника по историографии истории России Г.Р. Наумовой и А.Е. Шикло, деливших, в том числе, и данную эпоху на два основных этапа. Первый из них включал в себя период примерно до середины 1930-х гг., он выразился «в попытках отказа от завоеваний отечественной исторической науки вплоть до отрицания общественной значимости» ее самой, «попытках поставить исторические знания (как и российское общество вообще) на службу теории "мировой революции"». Они указывали применительно к этому этапу на ожесточенные идеологические споры «в правящей верхушке, которые сказались на исторической науке, на творческих и личных судьбах ее представителей». На втором этапе в связи с «преодолением ориентации на теорию мировой революции» и по другим причинам формируется, по их мнению, «советская государственно-охранительная концепция отечественной истории». С одной стороны, этот этап характеризовался «освобождением исторической науки от многих штампов и схем, ставших к этому времени анахронизмом», но, с другой стороны, были подготовлены условия для системного кризиса советской исторической науки, которую правящая верхушка пыталась использовать в качестве одной из существенных идеологических подпорок существующих политических порядков» [10].

С нашей точки зрения, здесь налицо крайне политизированная точка зрения, отражающая неприятие социалистического строя (налицо к тому же и уничижительные термины: «правящая верхушка», «подпорки»). Вообще использование также весьма многозначного термина «кризис», оправдание которому авторы находят в высказываниях многих историков применительно к последним дореволюционным десятилетиям. Показательно, однако, здесь следующее обстоятельство. Одни и те же люди писали совершенно по-разному об этом же самом кризисе. В этом отношении рубеж XIX–XX вв. в развитии исторической науки был в определенном смысле переломным. Бурное развитие различных философских направлений – позитивизма, неопозитивизма, неокантианства, марксизма способствовали развитию различных направлений и в исторической науке. При этом обычно главное внимание уделялось развитию именно «кризиса буржуазной историографии». Классическим примером здесь стала известная статья начала 1980-х гг. И.Д. Ковальченко и А.Е. Шикло.

В этой концепции можно выделить ряд основных параметров: 1. Социальной основой кризиса была утрата буржуазией той относительно прогрессивной роли, которую она играла в период утверждения капиталистической формации, что обусловило ее поворот от демократизма к консерватизму и реакции, что обнаружилось к концу XIX столетия. 2. Это привело к отказу ее от понимания закономерного хода исторического развития, ибо это противоречило ее интересам, которые требовали теперь не просто апологии буржуазного

строю, но и исторического обоснования незыблемости капитализма. Отсюда и антиисторизм, пессимизм, субъективность построений и выводов буржуазных историков. 3. Главный удар по основным теоретико-методологическим принципам буржуазной науки нанес марксизм, показав их общую ограниченность и несостоятельность, что и знаменовало наступление ее кризиса. 4. Другой аспект гносеологических истоков кризиса был связан с успехами естественных наук и прежде всего физики, где потерпели крах идеи механического детерминизма. Этот крах был воспринят буржуазной наукой как несостоятельность детерминизма вообще, что открывало путь к торжеству идеализма, агностицизму и иррационализму и субъективизму, что привело к отрицанию объективности исторического знания. 5. В теории и методологии это привело к отказу от исторического монизма и распространению эклектизма, к отрицанию возможности познания сущности исторических явлений, их конечных причин, к вынесению движущих сил исторического развития за пределы общественных отношений, к отрицанию единства, поступательно-прогрессивного характера, внутренней обусловленности и закономерности исторического развития.

6. Конкретным выражением идейно-теоретического и научно-методологического кризиса буржуазной исторической науки было появление субъективных концепций, которые не только не углубляли познание прошлого, не только были шагом назад сравнительно с лучшими достижениями науки, но и искажали ход исторического развития. Прежде всего, это касалось истории народных масс, классовой борьбы, освободительного и революционного движения. В проблематике исторических исследований обнаруживается уход от обобщенных исследований и синтеза к разработке конкретных и специальных проблем. 7. Вместе с тем кризис науки вообще не представлял собой всеохватывающего упадка. В некоторых направлениях буржуазная наука сделала заметный шаг вперед, в особенности в расширении проблематики за счет изучения социально-экономического развития, истории общественной мысли и общественного движения, конкретно-фактической основы исторических исследований и др.

Эти ставшие одно время классическими положения, в целом, разделялись в советское время большинством историков. Вместе с тем и в те времена были исследователи, придерживавшиеся других позиций. На наш взгляд, наиболее ярким представителем этого направления был П.А. Зайончковский, считавший в те годы, что на рубеже веков в России был очевидный подъем исторической науки, отмечавший множественность подходов к изучению исторических явлений, обилие новых школ, полагавший, что «теория факторов» – наиболее характерная для большинства историков буржуазного направления – была новым шагом, причем шагом вперед, скажем, от С.М. Соловьева, труды которого советские историки считали вершиной исторической науки, отмечавший, что

главным ее недостатком было то, что среди главных факторов развития истории они не отмечали самого главного – экономического, и вместе с тем считавшего, что в начале XX в. у нас была «музыка имен» – так он характеризовал историков этого периода, отмечая в связи с этим, что первые представители марксистской науки, и в частности М.Н. Покровский, отнюдь не во всех отношениях претендовали на роль лидеров исторической науки в этот период. Надо признать, что сегодня и те историки, которые раньше рассматривали развитие буржуазной исторической науки в начале XX века с точки зрения кризиса, отказались от этой позиции. В качестве примера приведем мнение А.Л. Шапиро, ранее придерживавшегося этой точки зрения, а в настоящее время указывающего, что от этого устаревшего и неверного по существу тезиса следует отказаться. А в современном учебнике, одним из авторов которого была та же А.Е. Шикло, утверждается, что современные ученые отказываются рассматривать историческую науку рубежа XIX–XX вв. через понятие «кризис», особенно при рассмотрении отдельных ее аспектов (источниковедение, медиевистика), что совершенно справедливо. Однако это не снимает проблему при общей характеристике исторической науки того времени. Кризис – это естественная стадия развития науки, время перехода от одного качественного состояния к другому, когда проявляются возникшие в явлении противоречия. Саморегуляция системы научных знаний на базе новых теорий и методологий является "выходом из кризиса". При этом тот же автор теперь не указывает, что этот выход был в выдвижении марксизма как главенствующей методологии [11].

Итак, идеи так называемой «буржуазной» историографии начала XX в., трактовавшиеся ранее как некий провал в науке, стоит рассматривать иначе. Это справедливо и в отношении начала XX в., и в отношении советского периода развития исторической науки. Для каждого этапа развития историографии были характерны некие особенности, причем каждый новый этап кое-что добавлял к нашему знанию о прошлом. Менялась методология, но оставались главные факторы: анализ источников и выявление в них информации, которая подавалась каждый раз под новым углом, но это есть естественный процесс, ибо, как известно, «жить в обществе» и быть от него «свободным» [12] не получается. Иное дело, что в каждую эпоху были и хорошие историки, и начетчики, были сильные специалисты и попросту непрофессионалы. А вот извращение содержания источников – это уже дело личной честности историка, который, конечно же, был всегда ограничен и обстоятельствами времени, и автоцензурой.

Применительно к изучаемой эпохе отметим, действительно, определенные шатания в идеологической сфере правящей элиты той эпохи и самого И.В. Сталина, оказывавшие громадное влияние на состояние преимущественно «идеологической» науки – истории, надо все же обращать внимание и на некоторую неопреде-

ленность в постановке различных вопросов в отношении классовой борьбы и др., столкновение различных кланов внутри самой этой науки, межличностные противоречия, стремление удержаться на плаву и сохранить личный достаток, добиться личного успеха со всеми вытекающими отсюда факторами, влиявшими на общую картину, а также на ослабление профессионализма в исторических исследованиях. Вместе с тем укажем, что данные обстоятельства не являются уж столь оригинальными, и при желании мы можем подобным образом говорить и о состоянии и дореволюционной, и советской исторической науки на всем ее протяжении (не так уж много здесь изменилось и в настоящее время: разве что ныне историков не расстреливают, как в 1930-е гг.) [13]. Понятно, что в ту пору речь пошла уже об истории народа – крестьянства, рабочего класса, с одной стороны, а также революционного и освободительного вообще движения, с другой (сам термин – «освободительное движение» не до конца понятен и сегодня, но В.И. Ленин его употреблял, видимо, не зря, считая, что он лучше охватывает всю совокупность подобных действий и идей, противостоявших самодержавию, абсолютизму, тем более выводя и свою периодизацию, которой будут следовать советские историки, в том числе уже и в эту эпоху). Важным оставалась и внешняя политика дореволюционной России, которой уделялось серьезное внимание в ту пору в том числе и в связи с угрозой большой войны, под которой росли тогдашние поколения. Вспомним: «Если завтра война, если завтра в поход...» Эти явления заставляли и власть, и связанную с ней науку обращать особое внимание на пропаганду разного рода побед русского оружия в прошлых боях – Ледовом побоище, Куликовской битве, Полтавском сражении и Бородинской эпопее. Нарастание угрозы войны в начале 1930-х гг. после прихода фашистов к власти в Германии заставило все идеологические структуры СССР поменять вектор своего направления, своего отношения, в том числе и применительно к российскому историческому прошлому. На место критике самодержавия и иже с ним приходит теперь иная установка – на развитие российского и советского патриотизма в качестве главного приоритета, отсюда и восстановление исторического образования в вузах, активизация обучения истории в школах вместо прежних социологических схем и парадигм [14].

Здесь налицо и социальный заказ на написание исторических романов о Петре I, А.В. Суворове, П.А. Румянцеве, М.И. Кутузове, и создание соответствующих фильмов на патриотическую тематику, в том числе и знаменитой ленты «Александр Невский» (в которой имели место некоторые исторические передержки, но сам фильм вполне годился для нужд пропаганды, имея в виду и великую музыку Д.Д. Шостаковича) [15].

На этом пике идеологического перелома в начале 1930-х гг. происходила смена исторического сознания основной массы исследователей, что не всегда давалось им легко. Надо было перестраиваться. Отсюда, кстати, и возвращение

старой профессуры, старой историографии, например, переиздание в 1937 г., в самый пик большого террора, книги С.Ф. Платонова о Смуте (нашли время!), возвращение Е.В. Тарле к преподаванию в вузе (после мукомольного техникума), выдвижение на место «покровцев» старых кадров, не до конца еще добитых в прежние годы, а также репрессии в отношении трижды проверенных уже представителей советской поросли исследователей, слишком много знавших о партийных делах и о Сталине [16]. На примере исторической науки все же надобно признать, что очень многое в ней в ту пору (кроме, пожалуй, сюжетов истории конца XIX – начала XX вв., вопросов истории партии и внутрипартийной борьбы) [17] стало рассматриваться более адекватно, что в дальнейшем наследовано будет историографией 1950–1960-х гг. В итоге, крайне трудно оценить данную эпоху с точки зрения формирования определенной концепции изучаемой нами проблемы в истории России. Противоречивость ее была очевидна.

С одной стороны, налицо было в ряде случаев упрощение реальной исторической ситуации применительно к российским монархам XVII–XIX вв., их окружению и их внутренней политике, рассматривавшихся в те годы исключительно с негативной точки зрения, нежелание видеть в их деятельности какие-либо позитивные сдвиги, например, в отношении политики смягчения крепостного права с Павла I, появления крестьянского вопроса вообще со времен Екатерины II (многое, кстати, тогда рассматривалось и при учете национального фактора). С другой – налицо воспевание народных движений в России и их вождей, гипертрофированная страсть к поиску новых крестьянских войн и городских восстаний (даже средневековых «революций», как это было не раз у М.Н. Покровского), многие из которых имели крайне незначительный размах, то же воспевание и приближение к радикализму общественных деятелей и мыслителей типа Н.И. Новикова или А.Н. Радищева, гипертрофированно положительная оценка декабристов, поставление их на пьедестал более высокий, нежели, например, деятелей Великой Французской революции.

Как отмечал исследователь В.Ю. Соколов, поступательное развитие советской историографии «от утопии к науке», характерное для 1920-х гг., в начале 1930-х было прервано, а историкам «пришлось отказаться от собственно научных интересов, от свободных, творческих дискуссий и послушно следовать указаниям партийного руководства», а сама наука превратилась «в послушный объект политического манипулирования». При этом «плодотворные дискуссии сохранились лишь в тех немногих сферах, которые были крайне далеки от современности». В определенной степени эти оценки применимы к изучаемой нами проблематике. С другой стороны, призыв того же автора в 1990-м году к «предельной деполитизации исторических исследований» никогда не будет реаль-

ным, так как, как писал В.И. Ленин, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [18].

Вместе с тем, в целом, наука избирает в этот период правильный подход к историческому прошлому, с нашей точки зрения, пусть, хотя и с некоторыми крайностями и вывертами в духе эпохи (которые можно охарактеризовать в виде тезиса: «Россия – родина слонов»). Эти последние будут частично изживаться, уже начиная со времени «оттепели», и станут некоторой частью багажа советской историографии периода ее расцвета, сохранив и сегодня свое значение [19], а их изучение может помочь современной науке, имея в виду ряд явлений в ней кризисного характера, неоднократно отмечавшегося нами в ряде исследований. Среди проблем, рассмотренных в исследовании, обратим внимание на вопрос об отношении различных авторов к известной теории закрепощения и раскрепощения сословий, идущей от «государственной школы» и Б.Н. Чичерина, имевшей прямое отношение к изучаемой проблеме, которую в любом случае нельзя обойти и отношение к которой высказывали исследователи этой поры (да и сегодня она во многом является своеобразным оселком, на котором оттачивают свои позиции историки, занимающиеся сходными проблемами) [20]. Далее шел вопрос о причинах возникновения крепостного права, его сущности, роли государства в его оформлении, его типологии в сравнении с другими европейскими странами, этапах его развития, в той или иной степени его универсальности [21].

Важным в том числе и в политическом плане при этом являлось и время его оформления, в особенности для податных категорий населения (особенно для владельческого крестьянства) определение его этапов, включая переход из крепостного права «по земле» в таковое же «по лицу» господина, наконец, терминология, используемая для обозначения этого явления, тенденции его развития в XVIII – первой половине XIX в., оценка причин его отмены в 1861 г. Другой блок вопросов связан именно с оценкой роли и значения так называемого «крестьянского вопроса», вопрос о месте его в программах различных общественных и государственных деятелей (не везде это отмечалось) и организаций, в том числе декабристов. Стоит обратить внимание и на составляющие этого вопроса – само освобождение тех же крестьян с землей или без земли, за выкуп или бесплатно, сразу или по прошествии определенного времени, по воле помещиков или по решению государственных органов, а также проблема ограничения крайностей крепостного права (продажа людей без земли, чрезмерное перенапряжение работами или оброком, жестокие наказания, моральное угнетение и др.), оценка тех или иных деятелей с этой точки зрения [22].

Заметим при этом, что отнюдь не у всех историков той поры, занимавшихся сходными вопросами, наличествуют эти аспекты интересующей нас проблемы. Нельзя не отметить здесь и политические аспекты решения данных

проблем в изучаемую нами эпоху 1917–1945 гг., связанные с тем или иным состоянием советского общества, политики властей в разные годы, борьбы кланов в историографии, историческая и историографическая традиция, моральные факторы, межличностные противоречия – все это накладывало свой отпечаток в том числе и на решение интересующих нас проблем в те или иные годы. Как правило, в таком комплексном виде и в таком ракурсе подобные вопросы в литературе не ставились, за немногими исключениями [23]. Важны также и методологические приемы, используемые тогда историками, не сводимые только к следованию марксизму (именовавшемуся некоторыми авторами «экономическим материализмом») или другим философским течениям, но и связанные с непременным следованием источнику или ставящим на первый план концепцию, а затем занимающимся подбором исторических источников, чем особенно была богата историография той поры [24].

При этом невозможно охватить всю панораму историографии той эпохи. Работа наша представляет собой очерки о наиболее значимых историках, связанных тематически с интересующими нас проблемами крепостного права и крестьянского вопроса в дореформенной России [25]. Остановливаясь на наиболее крупных именах, мы учитываем более ранние произведения на данную тему тех историков «старой школы», которые остались в стране после революции, а также таковых же известных марксистских исследователей. При этом, естественно, мы обращаем внимание на соответствие их идей современному состоянию науки по данной проблематике.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. об этом: П.А. Зайончковский (1904–1983): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998; Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008; Долгих А.Н. О Петре Андреевиче Зайончковском (1904–1983): воспоминания ученика // Роль российского дворянства в формировании отечественной ментальности и государственности: Материалы Первой открытой научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти проф. Н.Н. Кузьмина. Липецк, 2013. С. 26-30; его же. Мужество на войне, гражданское мужество и не только: беседы с Петром Андреевичем Зайончковским // Влияние мировых войн на международные отношения в XX в.: Взгляд молодых исследователей: материалы Второй Всероссийской научной конференции (22 апреля 2021 г., Липецк). Липецк, 2021. С. 86-91; его же. Образ николаевской России в работах П.А. Зайончковского (1904–1983) // Проблемы и перспективы аграрной модернизации СССР-России (XX – первые десятилетия XXI в.): сборник статей Международной научно-практической конференции. Саратов, 2022. С. 27-34; его же. Уроки Петра Андреевича Зайончковского: к 120-летию со дня рождения (1904–1983) // Российская наука: прошлое, настоящее, будущее. V Международная научно-практическая конференция, посвященная 300-летию РАН. Материалы конференции / авторы-сост.: В.В. Калинов и др.; отв. ред. О.В. Каримов. М., 2024. С. 204-209.
2. Приведем в качестве примера следующее изд.: Советская историография. М., 1996. См. также: Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной. Т. IV. М., 1966; Т. V. М., 1985.

3. См.: Долгих А.Н. Крестьянский вопрос при Павле I глазами провинциального историка М.В. Ключкова // История: факты и символы. 2015. Вып. 3 (№ 4). С. 17-26.
4. См.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. М., 1963. С. 218-236; Т. IV. С. 180-200 и др.; Рубинштейн Н.Л. Русская историография /под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. СПб., 2008. С. 662-688; Долгих А.Н. Накануне большой войны: разгром «покровщины» // Личность и общество в историческом процессе: сб. статей Международной научно-практической конференции, 9-10 апреля 2020 г. / Под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань, 2020. С. 536-543.
5. Историография истории СССР: Учебно-методическое пособие для студентов-заочников исторических факультетов педагогических институтов: В 2. тМ., 1982. . Вып. II. С. 32. См. также: Сидоров А.В. Теоретико-концептуальные проблемы историографии на страницах научной периодики России первой половины 1920-х годов // История и историки. Историографический вестник. М., 2001. С. 35. См. также: Покровский М.Н. Экономический материализм. Пг., 1920. С. 15; Барсков Я.Л. [Рец. на:] Акад. С.Ф. Платонов. Борис Годунов. Пг., 1921 // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 290
6. См.: Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 463-467; Долгих А.Н. О взглядах В.И. Семевского на историю крестьянского вопроса в России в конце XVIII – начале XIX в. // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича: сборник материалов. Елец, 2012. Вып. 10. С. 26-30.
7. См.: Долгих А.Н. Крестьянский вопрос в России на рубеже XVIII–XIX вв.: об исторической памяти и кризисе современной науки // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем.: Сб. статей и тезисов докладов Международной научной конференции. Липецк, 24-26 сентября 2015 г. Тамбов, 2015. С. 207-215; его же. К вопросу об интерпретации в современной историографии законодательства по крестьянскому вопросу рубежа XVIII–XIX вв. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 1 (6). С. 38-51; его же. О крестьянском вопросе в России в предреформенную эпоху: к вопросу о кризисе современной исторической науки // Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2018. С. 626-629; его же. О некоторых трактовках российского законодательства по крестьянскому вопросу дореформенной эпохи в современной отечественной историографии // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в.: сборник статей / Отв. ред. и сост. В.В. Кондрашин, А.И. Шевельков. М., 2021. С. 11-18.
8. См., например: Долгих А.Н. Европейский «легитимизм» первой половины XIX века в изображении А.Н. Шебунина: у истоков советской исторической науки // Союз Советских Социалистических республик как историко-культурный феномен: материалы Всероссийской научной конференции. 17 ноября 2021 г. Елец, 2021. С. 36-45. Электронное издание. (<http://iik.elsu.ru/index.php?id=nauchnye-izdaniya-instituta-sborniki>).
9. См., например: Сахаров А.Н. Дискуссии в советской историографии. Убитая душа науки // Советская историография. М., 1996. С. 124-161.
10. Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования. 3-е изд., стер. М., 2011. С. 299-300.
11. См.: Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Указ. соч. С. 226-227. См. также: Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века (итоги и задачи изучения) // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 18-35; Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г.: Учебное пособие. М., 1993. С. 686.
12. См.: Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5-е. Т. 12. С. 104.
13. См.: Хорошкевич А.Л. Вред и польза истории // Историографический сборник: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 145-194. См. также: Долгих А.Н. К вопросу о современных оценках советской историографии: Н.П. Ерошкин // Гумани-

тарные исследования Центральной России. 2020. № 1 (14). С. 31-41; его же. О крестьянском вопросе в России в предреформенную эпоху: к вопросу о кризисе современной исторической науки // Мавродинские чтения 2018. С. 626-629 и др.

14. См.: Дубровский А.М. Партийно-государственные источники по истории исторической науки (1930-е гг.: Хрестоматия. Брянск, 2020. С. 20-36.

15. См.: Тихомиров М.Н. Издевка над историей (о сценарии «Русь») // Историк-марксист. 1938. № 3. С. 92-96.

16. Молох репрессий сосуществовал с Конституцией 1936 г., успехами первых пятилеток, индустриализацией страны, ликвидацией безработицы, песней, ставшей настоящим символом эпохи:

«Широка страна моя родная
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек».

Как писал об этом Е.А. Евтушенко,

«...Две разных жизни было у страны.
В одной – я строил ГЭС под вой шакалов.
В одной – Магнитка, Метрострой и Чкалов,
"Вставай, вставай, кудрявая...", и вихрь
Аплодисментов там, в кремлевском зале...
В другой – рыданья: "Папу ночью взяли..." -

И – звезды на пол с маршалов моих» Евтушенко Е.А. Братская ГЭС // Избранные произведения: в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 476. См. также: Твардовский М.Т. За далью – даль // Собр. соч.: в 4 т. М., 1960. Т. 3. С. 340-344.

17. См., например: История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б)/6. 1938 год. М., 1945.

18. См.: Соколов В.Ю. История и политика (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). Томск, 1990. С. 194, 200-201; Ленин В.И. Указ. соч. С. 104.

19. См. об этом, например: Историки России. Послевоенное поколение. М., 2000; Портреты историков: Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история. М.- Иерусалим, 2000.

20. Интересно мнение по данному вопросу С.М. Каштанова. По его словам, абсолютизация государства в религиозно-феодалном плане (точнее – абсолютизация его религиозно-самодержавной сущности) либо давала прямую апологию самодержавия» (в случае отождествления воли народа и воли государства), «либо подчеркиванием недоговорного характера государства (теория закрепощения сословий) могла играть некоторую прогрессивную общественную роль, косвенно выражая протест против автократии. Абсолютизация самодержавной стороны государственной власти обычно имела место в условиях реакции, наступавшей после периодов революционного подъема (время Николая I, Александра III, столыпинская реакция)». Особое значение, по его словам, - она приобрела в годы крестьянской реформы, когда либералы надеялись на силу самодержавия в борьбе с крепостниками». При этом автор также непременно отметил, что «кризис буржуазной историографии рубежа вв. проявлялся в том числе «в ее неспособности выйти за рамки традиционных схем и в неизбежном возрождении в том или ином формате концепций XVIII–XIX вв.», что в его устах означало следование архаичным представлениям, в том числе и по данной проблематике (Каштанов С.М. К историографии крепостного права в России // История и историки. Историографический ежегодник. 1972. М., 1973. С. 141).

21. См.: Миронов Б.Н. Социальная история России период империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи и правового государства: В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 360-422.

22. См.: Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историографические очерки: В 2 т.

Липецк, 2018; его же. «Пороховой погреб под государством»: пути решения крестьянского вопроса в России в эпоху правления Николая I. Историографические очерки: Монография. Липецк, 2022; его же. «Но мысль ужасная здесь душу омрачает...»: Проблема крепостного права в произведениях русских писателей XVIII – первой половины XIX в. Историографические очерки. Липецк, 2024.

23. См. об этом, например: Хорошкевич А.Л. Вред и польза истории. С. 145-194; Дубровский А.В., Исмаилова З.А. Милица Васильевна Нечкина (1899–1985). Брянск, 2021.

24. По словам воспоминаний академика Н.М. Дружинина, именно в эту пору «вырабатывалась марксистско-ленинская концепция» истории России, «охватывавшая не только жизнь русского народа и общие линии процесса, но и важнейшие явления по истории ведущих республик Советского Союза», «пересматривались прежние точки зрения, преодолевались вульгарно-социологические взгляды М.Н. Покровского». Однако тот же мемуарист отмечал, что «спокойному и обоснованному выяснению истины очень мешали в то время привычки к догматизму и так называемой цитатологии; оппоненты, желавшие сокрушить своих противников как "антимарксистов", извлекали из сочинений Маркса, Энгельса, Ленина отдельные высказывания и, толкуя их односторонне, приписывали оспариваемым взглядам одиозный характер. Иногда эти приемы принимали форму политических "проработок" и мешали свободному развитию научной мысли. Это была пережиточная форма вульгарного марксизма, типичная для ранней стадии применения марксистско-ленинской методологии» (См.: Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. Изд. 2-е, доп. М., 1979. С. 60-62. См. также: Сидорова Л.А. «Руководящая цитата» в советской исторической науке середины XX века // История и историки. 2006. Историографический ежегодник. М., 2007. С. 135-138).

Нельзя также не сказать о том страхе, который окутывал страну в эпоху начавшегося «большого террора». Вот что об этом писал известный поэт Н.А. Заболоцкий, оказавшийся в «лагерях» по «популярному обвинению в контрреволюционном заговоре» в 1938 г. (и пробывший там до 1946 г.) в прозаическом очерке «История моего заключения»: «В моей голове созрела странная уверенность в том, что мы находимся в руках фашистов, которые под носом у нашей власти нашли способ уничтожать советских людей, действуя в самом центре советской карательной системы» (См.: Вайль П. Стихи про меня. М., 2006. С. 454).

Подобный страх не мог способствовать нормальным исследованиям историков о далеком и близком прошлом их страны. Постоянная угроза репрессий заставляла их следовать жестким указаниям властей, которые к тому же часто менялись. Правда, это обстоятельство и этим лицам не гарантировало благостного бытия, их всех держали в постоянном напряжении, что не способствовало большим успехам и достижениям историков той поры. К тому же, как писал об этом исследователь А.Н. Шаханов, в тогдашней исторической ситуации «любые несанкционированные шаги ученых», особенно в области теоретических проблем, – «дело далеко небезопасное».

Постоянные идеологические кампании и «проработки» указывали на то, что от них требовались лишь комментарии к партийным решениям или произведениям классиков марксизма-ленинизма-сталинизма. При этом ЦК ВКП(б) рассматривал историческую науку как важный участок «идеологического фронта», требуя унификации исторического знания, причем в ряде случаев это касалось не только всякого рода «посягательств» на работы и высказывания вождей, но также и на отношения к «генералам» от науки, например, Б.Д. Грекова и др. (См.: Шаханов А.Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // История и историки: историографический вестник /ИРИ РАН. М., 1985. С. 202).

Заметим, что нами специально не рассматриваются работы ряда крупных историков той эпохи, прямо не связанных с изучаемыми здесь вопросами, а лишь косвенно, например, работы Е.В. Тарле и Н.М. Коробкова, посвященные внешней политике, книги историков, занимавшихся сходными проблемами, но для более ранних эпох отечественной истории, например, труды С.Б. Веселовского, в основном, занимавшегося проблемами истории Руси/России XIV–XVI вв., хотя он косвенно и касался вопросов об оформлении крепостниче-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru